

чения большого улова, так и для сокрытия его от обложения²⁰. Не случайно в уставе появляется § 35, в котором обязанность рыбаков постоянно жить в раз навсегда установленных местах тесно увязана с требованием своевременной и беспрекословной уплаты налога «господину» (herren): «Никто не имеет права обосновываться в других гаванях, а только в законных рыболовецких шхерах, [и] сверх того, они не должны задерживать господину свой налог или препятствовать тому, кто находится в законной рыбной гавани, [а] если они не хотят подчиниться, то фогт гавани имеет право забрать их сети и повести [нарушителей] в суд»²¹. Но налог по-прежнему поступал нерегулярно, и в Cod. В появляется следующая запись (своего рода «апелляция к регальной традиции»): «Никто не смеет отменить королевский налог, будь то [налог] с земли или с воды, поэтому следует всем [кому положено] давать и рыбный налог»^{22–23}.

Положение рыбаков усложнялось еще и тем, что живя на побережье, они постоянно подвергались насилиям и грабёжам как со стороны пиратов, так и в период междоусобных и внешних войн; не случайно еще в «Хронике Эриков» (XIII в.) говорится о «бедных рыбаках» (*fatighe fiskaga*), которых все грабят²⁴.

Состоянию брожения на рыбных промыслах, возможно, способствовало имущественное и социальное расслоение, которое, судя по документам, имело там место.

Имущественное неравенство в среде профессиональных рыбаков могло порождать уже самими условиями их деятельности, орудия и средства которой были чрезвычайно разнообразны: от камня для разбивания панциря крабов и простого крючка — до рыболовецкого судна. Действительно, в документах упоминаются: открытые весельные

²⁰ Кроме того, рыбаки практиковали утаивание сетей. Об этом сказано в Cod. В, § 37: «Кто ставит больше сетей на отмели, чем он [должен ставить согласно] уплате рыбного налога (в другой редакции — «согласно праву [от?] форта гавани»: «*Noo som förer fleere skiötar till Grundz, än han gör skattefisk aff*» или «*gög hampnefogden rätt aff*»), теряет сети, и их берет королевский фогт» (берет себе? в пользу короля? Неясно. — А. С.). — *Hamnskrå*, s. 303.

²¹ *Ibid.*, s. 295. Ссылка на препятствия, чинимые рыбаками тому, «кто находится в законной рыбной гавани» (*som på rätte fiskiehampnen liggia*), вероятно, является отголоском каких-то столкновений — либо между рыболовецкой общиной и представителями неподатного сословия (ведь королевский налог взимался только с рыбаков-общинников; дворяне и церковнослужители ловили рыбу в тех же, подлежащих «Уставу гавани», районах, не платя скатта), либо между рыбаками-профессионалами и соседними бондами. Выражение же, касающееся задержки «налога господину» (*opå det dhe icke skola afsnälla herren si skatt*), совсем неясно. Вообще, когда речь идет о королевских налогах, в источниках они обычно так и обозначаются: *konungs skatt*. Налоги с подлежащих «Уставу гавани» промыслов были именно «королевскими». Почему же здесь говорится об уплате налога «господину»? Может быть, это свидетельствует о практике откупа налогов (такая практика имела место на горных промыслах и служила короне средством расплаты с долгами)?

^{22–23} «*Ingen må Cronens skatt niderläggia, hwarken till landz eller watn, therföre bör och alla giffwa skattfisk*». — *Ibid.*, s. 306.

²⁴ «*Erikskrönikan*». Utg av R. Pappng. — SFS, hf. 231, bd. 68. Uppsala, 1963, s. 32.